

Пролог

Рим, 2 октября 1829

Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
Крадутся мелким шагом, день за днем,
К последней букве вписанного срока;
И все «вчера» безумцам освещали
Путь к пыльной смерти. Истлевай, огарок!

У. Шекспир. Макбет

Ночное небо сделалось белым.

И рассыпалось над городом миллионами осколков.

Никто в Риме не мог припомнить, чтобы снег пошел в первых числах сентября.

Одинокий всадник упорно гнал коня навстречу безжалостному северо-западному ветру; не важно, что копыта его лошади скользили на мокрых камнях кривых улочек, что бедное животное жалобно всхрапывало под ударами хлыста, что слезы, катившиеся из покрасневших глаз, леденели на студеном ветру. Граф Невшатель, лейтенант швейцарской гвардии, нарушил присягу понтифику ради другого, воистину священного обета. И теперь ему оставалось лишь молиться о том, чтобы это решение оказалось правильным.

На полпути к ватиканскому Апостольскому дворцу всадник сменил бешеный галоп на скорую рысь. Хотя темные улицы были почти безлюдны, а приметную гвардейскую форму, сшитую по эскизам самого Микеланджело, граф предусмотрительно сменил на кожаные штаны и плащ из верблюжьей шерсти, завывания ледяного ветра напоминали о том, что ему не следует привлекать внимание ни к себе, ни к своей ноше, ни к конечной цели своего пути.

Клятва, данная графом этой ночью, уходила корнями в далекое прошлое, когда его предки стали служить Святому престолу; она была важнее жизни, важнее чести и, скорее всего, важнее спасения души.

Перебравшись по мосту Систа через темные воды Тибра, всадник выехал на виа Аренула, упирающуюся в площадь Иисуса. Оттуда тесный проулок привел путника к черному ходу виллы Марциус, где ждали двое слуг. Один взял под уздцы коня. Другой держал масляный светильник, пока гвардеец искал что-то в своей сумке, а затем провел прибывшего внутрь.

Вслед за молчаливым лакеем граф пересек двор казавшегося пустынным дома, прошагал через темную кухню и оказался у входа в винный погреб. Лестница, столь узкая, что, спускаясь по ней, можно было обеими руками касаться стен, вела вниз, в большой зал с каменными сводами.

Там собрались семьдесят семь человек.

Семь рядов стульев занимали адвокаты, политики, генералы, аристократы, банкиры, клирики и прочие уважаемые граждане. Вместе они составляли Тайный Совет Семидесяти.

Напротив за длинным столом восседали пятеро кардиналов в парадном облачении, бывших инквизито-

ров. Место во главе стола занимал теолог-доминиканец, нынешний председатель Совета.

Великий инквизитор, его преосвященство Арман Дени дю Мирабо, кардинал Лоренский.

Все взгляды были устремлены на лейтенанта швейцарской гвардии, торопливо и нервно проследовавшего через зал с сумкой в руках. Подойдя к столу, он опустился на одно колено перед великим дю Мирабо и протянул ему похищенную реликвию.

— Ваше преосвященство.

На миг в воспаленном сознании кардинала родилась абсурдная мысль, что гонец привез Рукопись Бога, таинственный документ, который Великий инквизитор искал все эти годы, чтобы вернуть Святому Ордену утраченную власть. Но через мгновение старик понял, что это совсем не та рукопись, к тому же врачи отвели ему всего несколько месяцев жизни, и заветный манускрипт суждено найти кому-то другому.

Кардинал принял бумаги, протянул графу руку, чтобы тот мог поцеловать лиловый камень на перстне, и, когда гонец вышел, сосредоточился на документе под заглавием “*Cogitationes Nostras*”¹ с подписью и печатью римского викария на первой странице. Пока дю Мирабо с бесстрастным видом просматривал лист за листом, собравшиеся хранили молчание.

Когда же кардинал завершил чтение и поднял глаза на своих чад, взгляд его полыхал яростью, а голос дрожал от едва сдерживаемого гнева.

— Как и предполагали, новый папа, это слабое создание, не по праву носящее имя Пия Восьмого, поддался дьявольскому искушению.

---

¹ Наши мысли (лат.). (Примеч. ред.)

Члены Совета по-прежнему безмолвствовали.

Все ждали, когда этот немощный старик облечет в слова решения, которые изменят их жизни и жизни многих других людей.

И кардинал не стал их разочаровывать.

— Нам предстоит сложный путь. Чтобы создать Новый союз для охраны ценностей, которые мать наша Церковь уже не в силах защитить. Как только документ, оказавшийся ныне у меня в руках, станет достоянием публики, святая инквизиция, главная опора веры, под знаменем которой мы вот уже шестьсот лет сокрушаем врагов Святой Троицы, перестанет существовать.

Облаченный в пурпур кардинал Лоренский сжимал ладонями поручни кресла и пытливо вглядывался в сидящих перед ним людей, прибывших из разных концов Европы и Америки, стараясь уловить малейшие признаки недовольства. Сильный человек, знавший, как удерживать власть и как правильно ею распоряжаться. В тридцать пять лет ставший архиепископом Манилы, а в сорок два кардиналом; сделавший немислимую для католического клирика карьеру, стремительному взлету которой помешали козни врагов. Сознававший, что, когда его детище принесет плоды, он будет мертв уже много лет и не узрит торжества своей правды.

— Я буду краток. Время длинных речей прошло. Мы все знали, что такое может случиться, и готовились к худшему. Имена наших врагов хорошо известны: прогресс, социализм, либеральные идеи... Но можно сказать и одним словом: ересь. Известно, в чем состоит наш долг перед Господом. Нельзя допустить, чтобы последний бастион веры рухнул во времена, когда дьявол

выполз из своего логова, чтобы воссесть на троне земном. Нельзя допустить роспуска святой инквизиции.

Слова кардинала гулко разносились под каменными сводами сырого, холодного подвала, взмывали к верхним полкам, на которых пылились темные бутылки, и гасли среди гигантских дубовых бочек, в которых зрел коньяк.

Тем глуше показалась наступившая затем тишина.

— Нас ждут суровые времена. *De itinere deserti quo pergitur post turbamentum*¹. Впереди десятилетия, возможно, века на страже, тайной и неусыпной. Мы возродим судебные, административные и исполнительные институты Священной коллегии по всему христианскому миру. Восстановим наши миссии. Научимся довольствоваться скудными средствами и полагаться на немногочисленных, но преданных сторонников, устанавливать тайные, но надежные связи, проводить осторожную, но действенную политику. Создадим новую систему, разветвленную и эффективную, рычаги управления которой будут сосредоточены в руках нашего Совета. Нам предстоит колоссальный труд, особенно если учесть, что все наши действия придется держать в строжайшей тайне.

Чем быстрее таяли силы кардинала, тем жарче горели его глаза. Чем тише звучал голос, тем весомее делались слова.

— А главное, нам придется привыкнуть к мысли, что никто из нас не увидит приход новой благодати. Священный союз, зародившийся сегодня, будет существовать, пока живы наши потомки и потомки наших потомков. Мы исчезнем из этого мира лишь тогда, когда

---

¹ Пустынный путь для тех, кто пережил бедствие. (*Примеч. пер.*)

вихри последней бури подхватят нас, чтобы унести в чистилище... Сегодня начинается величайшая война из всех, что когда-либо велись именем Господа. Наша битва продлится не один век. Укрепимся же в вере, изгоним из сердец жалость к врагу. Нас изгнали из храмов и с площадей, принадлежащих нам по праву; нам остается лишь вернуться в катакомбы, из которых мы вышли однажды. Будем сильными. Нас ждет ад.

В зале воцарилось молчание, потом слово взял главный фискал Совета.

На первом собрании было принято немало важных решений.

Среди них было и решение о первом аутодафе *in abdito*...¹ Через несколько месяцев только что избранный папа Пий Восьмой умер совершенно естественной, на первый взгляд, смертью; его правление оказалось одним из самых коротких в истории.

---

¹ Втайне (*лат.*). (*Примеч. ред.*)